

«Искусство, которому нельзя предаваться от случая к случаю»: разум и насилие у Фукидида

РОМАН В. ГУЛЯЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-2558-1847>

Рекомендация для цитирования:
Гуляев Р. В. (2025) «Искусство, которому нельзя предаваться от случая к случаю»: разум и насилие у Фукидида. *Социология власти*, 37 (3): 155–176
EDN: RCMXOK

For citation:
Gulyaev R. V. (2025) "An Art Not to Be Attended at Idle Times": Reason and Violence in Thucydides. *Sociology of Power*, 37 (3): 155–176
Поступила в редакцию: 15.05.2025; прошла рецензирование: 01.08.2025; принята в печать: 19.08.2025
Received: 15.05.2025; Revised: 01.08.2025; Accepted: 19.08.2025

© Author, 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: В статье рассматривается проблема взаимосвязи в «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида стратегических, политических и технических аспектов организованного насилия в его наиболее сложной и действенной форме — маневренном морском сражении. Именно способность вести продолжительные кампании на суше и море, которые требуют концентрации сил и ресурсов, зато дают возможность ставить долгосрочные решительные цели, отделяет, с точки зрения Фукидида, современность от древности, цивилизацию от варварства. Эти факторы делают первый большой конфликт между коалициями греческих полисов наиболее значительным в его глазах событием человеческой истории. В данной работе предлагается новый подход к прочтению Фукидида, представляющий кульминационным пунктом его повествования изложение борьбы между Афинами и Коринфом за Навпакт в 429–413 годах до н.э. Небольшой порт, контролирующий выход из Коринфского залива, определяет, удастся ли Афинам сдержать морские силы Пелопоннесского союза в удобной для себя точке и воплотить стратегию морского господства Перикла, или же война на море примет бесконтрольный характер, подвергая коммуникации обеих сторон угрозе внезапного нападения. Именно это противостояние наиболее полно и ярко выражает особенности технического инструмента данной формы насилия — флота триер, а также социальные, этические и стратегические характеристики создавшего этот инструмент общества. История противостояния на кон-

кретном театре конкретного военного конфликта разворачивается в универсальное высказывание о раскрытии человеческой природы посредством насилия, оказавшее существенное влияние на постфукидидовскую традицию политической мысли.

Ключевые слова: Фукидид, насилие, триера, стратегия, инновация

“An Art Not to Be Attended at Idle Times”: Reason and Violence in Thucydides

Roman V. Gulyaev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-2558-1847>

Abstract: The article examines the problem of interconnection between strategic, political, and technical aspects of organized violence in Thucydides' "History of Peloponnesian War" in its most complex and effective form — maneuver naval combat. According to Thucydides, it is the ability to conduct prolonged naval and land campaigns — with an ability to concentrate force and resources and to pose decisive long-term goals — that distinguishes modernity from antiquity, civilization from barbarism and thus marks the first major conflict between coalitions of Greek polities as a most significant event in human history. Our research proposes a new approach to Thucydides' work, which views his description of struggle between Athens and Corinth for the control of Naupactus in 429–413 BC as a pivotal moment of the whole conflict. A small port controlling the entrance to the Corinthian Gulf decides whether Athens can confine its naval power to the Peloponnesian League — or whether the maritime struggle becomes uncontrollable and presents a mutual threat to communication lines. This confrontation is the most complete and clear demonstration of the technical features and capabilities of the main instrument of this form of violence — the rowing fleet of triremes — as well as social, ethical and strategic aspects of the society which was capable of creating it. The history of struggle in a specific theatre of a specific war develops into a universal statement about the disclosure of human nature by means of organized violence, which influenced post-Thucydidean tradition of political thought.

Keywords: Thucydides, Schmitt, violence, trireme, strategy, innovation

Никто не сможет избежать очарования этой легенды, и меньше всего хотелось бы умерить сияние ее славы. Но если спросить, имеем ли мы здесь дело со случаем чисто морского существования и подлинного выбора в пользу морской стихии, то мы сразу же увидим, сколь стесненной оказывается морская держава, ограниченная Адриатикой и бассейном Средиземноморья, когда однажды открываются необозримые пространства мировых океанов (Шмитт, 2008, с. 583)

— так Карл Шмитт заканчивает экскурс в историю Венецианской республики, прежде чем перейти к подлинным «пленителям моря»: голландцам и англичанам. Венеция, «сказочная царица моря», распространяла свое господство над теплыми водами Адриатики, Ионии и Леванта, и ежегодный ритуал «обручения с морем» подчеркивал характер этого господства, основанного на торговле, дипломатии, культурной и религиозной терпимости. Настоящие же «дети моря», голландцы и англичане, утверждает Шмитт (Там же, с. 584, 623), ни в каких ритуалах не нуждаются: компас, парус и религиозный пыл кальвинизма заменяют собой попытки задобрить дарами враждебную стихию, а на смену обручению приходит насилие. Атлантические народы покидают сушу не ради торговых прибылей, а ради добычи; Мировой океан оказывается открыт прежде всего пиратами и китобоями (Там же, с. 587–602). Талассические государства внутренних морей уступают место мировой империи, для которой суша — лишь протяженная береговая линия с выброшенными морскими волнами богатствами (Там же, с. 630). С появлением стальных корпусов, радио и двигателей внутреннего сгорания море окончательно перестает быть самовластной стихией, китовый промысел из опасного искусства становится промышленной добычей (Там же, с. 589), а развитые государства получают возможность напасть на любую часть суши уже не только с воды, но и с воздуха:

157

Во время самостоятельной воздушной войны обе стороны полностью лишены возможности установления какой бы то ни было связи друг с другом. Самолет прилетает и сбрасывает свои бомбы на землю; штурмовик снижается, приближаясь к земле, и вновь взмывает в воздух; оба исполняют присущую им функцию уничтожения и тотчас уносятся прочь от этой земли, оставляя ее вместе со всем, что на ней находится, вместе с людьми и вещами, своей судьбе, т.е. властям территориального государства (Там же, с. 473).

Не являясь ни военным историком, ни специалистом в стратегии или тактике, Шмитт тем не менее задает очень важную теоретическую перспективу: определенная форма насилия — неважно, идет ли речь о китобое, преследующем добычу, артиллерийском сражении парусных флотов или налете авиации, — существенно влияет на самые разные черты участников, от индивидуального и национального характера до представлений о пространстве, праве, загробной жизни. Именно выход в океан, изначально враждебную и чуждую человеку стихию, и вызванная этим революция пространства высвободили в европейцах Нового времени творческую энергию, техническую изобретательность и самоотверженность, и это же событие подчинило их господству остальной мир (Там же, с. 604–634).

Вероятно, по этой причине и Шмитт, и ключевые военно-морские теоретики рубежа XIX–XX веков, на которых он ссылается, преимущественно фокусируются на истории Нового времени — периода, когда европейские парусные флоты находили равных соперников лишь в лице друг друга. Схожим образом рассуждал Карл фон Клаузевиц, строя свой анализ войны преимущественно на современном ему европейском материале: разум «указывает [наиболее] действенные способы применения насилия» (Клаузевиц 1998, с. 37), «цивилизованные» (т.е. европейские) народы продвинулись в этом дальше других — соответственно, изучение менее действенных форм применения насилия может быть задачей историка, но не военного теоретика.

И действительно, могут показаться наивными слова Фукидида о народе Афин, покинувшем свои дома и «ставшем мореходами», *nautikoi egenonto* (1.18.2¹), ведь их корабли двигались мускульной силой гребцов, господство над морями не выходило дальше Восточного Средиземноморья и продлилось меньше века, а вершиной имперских амбиций стал катастрофический поход на Сицилию. И тем не менее при внимательном чтении «Истории Пелопоннесской войны» в ее участниках, творимом ими насилии и целях, которые они пытаются с его помощью достичь, отчетливо видны те же черты, которые Шмитт выделяет у «покорителей морей» гораздо более поздних эпох. В настоящей статье мы разберем три ключевых вопроса: 1) чем с точки зрения Фукидидовой «Истории» насилие, лежащее в основе афинской гегемонии, отличалось от насилия предыдущих эпох; 2) что может быть противопоставлено этому насилию и каких качеств такое противостояние потребует от своих участников; 3) что универсального о человеке может нам сообщить описание Фукидидом конкретных эпизодов отдельного исторического конфликта. Ключевые для этого анализа события будут происходить не в Амфиполе², не в Большой гавани Сиракуз³, а вокруг относительно локального пункта побережья Коринфского залива — в Навпакте.

1 Здесь и далее ссылки на текст «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида: книга, глава, строка.

2 Афинская колония на берегу Стримона во Фракии, где в 422 году до н.э. афинское войско под командованием Клеона потерпело поражение от спартанцев Брасида (описание у Фукидида: 5.6–5.11). После сражения, в котором погибли командующие обеих армий, был заключен Никиев мир, завершивший первый этап войны.

3 Морское сражение 413 года до н.э. (описание у Фукидида: 7.60–7.72), в котором афинский флот был уничтожен при попытке прорваться с Сицилии, что в конечном итоге привело к полной гибели Сицилийской экспедиции.

Инструмент демократии и империализма

Рассказывая своей дочери Аниме о борьбе земли и моря (отсюда подзаголовок эссе), Шмитт не приводит академического ссылочного аппарата, который бы позволил точно реконструировать источники его представлений о военно-морской истории. Единственная ссылка в описании морских сражений древности, уподобленных схватке борцов, — на поэму «Архипелаг» Гельдерлина (Schmitt 2015, p. 23)¹; упоминаемые им классики военно-морской теории А. Мэхэн (Ibid., p. 87–89) и Дж. Корбетт (Ibid., p. 36–37) начинают свой анализ с появления линейной тактики эскадр в XVII–XVIII веках, и на момент выхода «Земли и моря» это в целом оправданная оптика. Между тем именно вторая половина XX века многое добавила к представлениям о военно-морском деле Античности: комплексные исследования письменных и изобразительных источников, археологических раскопок доков в Пирее (Fields 2007, p. 7–8), а также практические эксперименты в эксплуатации воссозданной в 1980-е годы в составе ВМС Греции полноразмерной мореходной копии триеры «Олимпия» (Ibid., p. 39–41; Morrison, Coates 1986) позволяют существенно пересмотреть изображенную Шмиттом картину «сухопутного сражения на кораблях». Феномен греческой цивилизации оказывается тесно связан с определенным типом военного корабля и особенностями его применения, а технические исследования позволяют по-новому взглянуть на тексты греческих классиков.

В глазах Фукидида история греков делится на «до» и «после» с появлением триеры — судна с тремя рядами весел, изобретенного или заимствованного у финикийцев коринфянами (1.13.2). Самое значительное из древних деяний эллинов, Троянская война, велась на беспалубных кораблях, сооруженных «как суда пиратские» (1.10.5), на которых воины были одновременно гребцами. Фактически, по оценке Фукидида, она была растянувшимся на десять лет набегом. Нападающие из-за скудости запасов (1.11) не могли собрать свои силы воедино для генерального сражения, обороняющиеся не пытались противодействовать им на море. Подобные набеги, хоть и не такие масштабные, Фукидид считает (1.5–1.6) постоянным условием жизни Древней Эллады, а Гегель выделяет (Гегель 1993, с. 256–257) как один из образующих элементов беспокойного греческого духа. Пиратство представляет собой насилие, ориентированное на осязаемый сиюминутный результат в виде добычи; оно не под-

159

1 Данное издание, в отличие от немецкого (Schmitt C. Land und Meer: Eine weltgeschichtliche Betrachtung. Stuttgart: Klett-Cotta, 2011) и русского (Шмитт 2008, с. 573–639) перевода, снабжено ссылочным аппаратом и возвращенным редакторским комментарием.

разумеает сложной стратегии и организации и, по выражению Корбетта, относится к «донаучной стадии ведения морских войн» (Schmitt 2015, p. 36; Шмитт, 2008, с. 596). Фукидид отдает должное предприимчивости морских разбойников, но собственное время считает более значительным (1.1.3) из-за нового типа корабля и порожденного им более действенного способа применения насилия.

Триера мало подходит для морского разбоя и транспортных перевозок. Размещенные в три ряда, один над другим, гребцы, числом до 170 (Fields 2007, p. 14), не носят оружия (поэтому малополезны для набегов на сушу), при этом требуют обширных запасов воды и продовольствия, поэтому для груза или добычи на корабле почти не остается места. Труд гребцов должен высоко оплачиваться, так как требует слаженности, четкого следования командам и осложняется теснотой, темнотой и духотой. Морские пехотинцы (*epibatai*), число которых было относительно невелико — не более 20 человек, до момента столкновения с вражеским судном должны были располагаться сидя строго на своих местах (7.67.2; Fields 2007, p. 14), чтобы перемещением по палубе не нарушить баланс корабля в процессе гребли. Сами суда изготавливались из легких пород дерева — пихты и кипариса, при их нехватке — сосны, наложенных на жесткую основу из ясеня, вяза или шелковицы (Ibid., p. 14), многие материалы приходилось закупать во Фракии и Македонии. Легкая пористая древесина быстро впитывала воду, в результате чего судно теряло мореходность и скорость, и при первой возможности его старались вытащить на берег для просушки. Что же заставило коринфян, а за ними и остальных греков, обратиться к такой дорогой, сложной в уходе и неуниверсальной конструкции?

Главное и фактически единственное предназначение триеры — таран (Гэддис 2021, с. 53; Hanson 2006, p. 235–270). По сути, этот тип корабля — узкоспециальное оружие, в котором все элементы конструкции и навыки экипажа направлены на облегчение маневра и развитие скорости для того, чтобы нанести единственный удар в борт или корму вражеского судна и избежать затопления вместе с ним. Ключевые условия для его успешного использования — пространство для набора скорости, маневра, слаженность и опыт экипажа (2.89.8). Шмитт считал (Шмитт 2008, с. 592) отличительными признаками «настоящего» морского сражения, имеющего целью не захват добычи, а уничтожение противника. Как мы видим, задолго до появления пороха и артиллерии античные суда действуют в том же ключе: успешный таран не приносит иных трофеев, кроме обломков вражеского судна и всплывших трупов, но permanently устраняет исходившую от него угрозу. Таким образом, все недостатки триеры не перевешивают главного ее преимущества: более традиционные виды судов мало что могут ей противопоставить

в прямом столкновении, а из-за более высокой скорости их шансы спастись бегством также крайне малы. Очевидно, по совокупности этих причин Фукидид еще в начале первой книги (1.13.6–1.14.2) четко разделяет флоты полисов на состоящие из пентеконтер (беспалубных пятидесятивесельников) и из триер: беспрецедентность и важность описываемой им войны связана именно с повсеместным распространением последних.

Но порожденные триерами возможности выходят за пределы военно-морской сферы. Две строки из 13-й главы первой книги «Истории» содержат скупое, но предельно конкретное описание перехода от древности к современности. «Говорят, коринфяне первые усвоили морское дело ближе всего к теперешнему его образцу, и первые в Элладе триеры сооружены были в Коринфе... Когда эллины стали ходить по морям больше, коринфяне, заведя флот, обратились к уничтожению морских разбоев и, представляя для эллинов рынок, усилили свой город притоком в него богатств по обоим путям» (1.13.2, 1.13.6). Настоящим трофеем триерархов-победителей становится не призовой груз и не пленные, а устранение угрозы мореходству со стороны неупорядоченных акторов насилия и возможность мирного развития. Богатство и безопасность приходят одновременно, берег моря из источника постоянной угрозы становится дорогой к процветанию. Но длится это до тех пор, пока честь, страх и выгода (1.76.2) не направляют уже сами мореходные полисы друг против друга.

161

Связь морского господства и политического устройства Афин — слишком обширная тема, чтобы можно было ее рассмотреть в рамках одной статьи. Тем не менее многие исследователи (Дельбрюк 1999, с. 110–112; Каган 2023, с. 30–42; Гэддис 2021, с. 50–57; Jaffe 2017, р. 121–129; Gabrielsen 2010; Strauss 1964, р. 154–163) обращаются в своем анализе к содержанию речи Перикла, сказанной перед началом войны (1.140–1.144), в которой тот доказывает согражданам необходимость принять решение о войне с Пелопоннесским союзом и одновременно излагает основания надеяться на успех в ней. Ключевые его аргументы — преимущество в приобретении и накоплении денежных средств (1.141.3–1.141.5), строительстве укреплений (1.142.3), умении и средствах вести войну на море (142.4–142.9). Все это является предпосылками к реализации главного стратегического замысла: вместо генерального сражения на земле — установление постоянной блокады пелопоннесских флотов в их портах (1.142.8) и постепенное истощение ресурсов противника в сочетании с неприкосновенностью своих морских линий коммуникации с территориями вне Аттики: «опустошение одной какой-либо части Пелопоннесса будет иметь далеко не то же значение, как опустошение целой Аттики, потому что взамен этой области они не смогут получить без борьбы никакой другой,

тогда как у нас есть много земли и на островах, и на материке» (1.43.4). «Так важно иметь силу на море!» — завершает Перикл (а через него, конечно, Фукидид) эту часть своего аргумента.

Для иллюстрации этой же мысли Альфред Мэхэн (вообще-то не склонный ни к мысленным экспериментам, ни к экскурсам в Античность) предлагает такую мысленную картину Второй Пунической войны:

Если бы Средиземное море было ровной пустыней, на окраинах которой римляне обладали бы сильными горными цепями Корсики и Сардинии, укрепленными постами Таррагоны, Лилибеума и Мессины, итальянской береговой линией близ Генуи и союзными крепостями в Марселе и других пунктах; если бы при этом римляне располагали также вооруженной силой, способной пересекать эту пустыню по желанию, а их противник, будучи значительно слабее их в отношении такой силы, вынужден был именно поэтому на большой обходный путь для сосредоточения своих войск, то весь смысл такого военного положения был бы сразу понят, и не было бы слов, достаточно веских для выражения значения и влияния упомянутой силы римлян... В рассматриваемом случае флот играл роль силы, господствующей на предполагаемой пустыне, но так как эта сила действовала на стихии, незнакомой большинству писателей, и так как деятели ее с незапамятных времен стояли как бы в стороне, не имея проповедника своего значения и значения профессии своей, то ее огромное, решающее влияние на историю той эры, а вследствие этого и на историю мира, не было принято во внимание (Мэхэн 2002, с. 32).

162

Именно флот триер стал инструментом, превратившим для Афин Эгейское и Ионическое моря в такую «ровную пустыню», по которой они могли свободно перемещать товары, ресурсы и войска и не допускать появления в ней враждебных сил. Искусство морского дела, о котором говорил Перикл в цитированной выше речи, выходит далеко за пределы управления кораблем в бою. Постройка, финансирование и наиболее эффективное применение военно-морского флота, извлечение максимальных преимуществ из контроля над морем, поиск союзников и сдерживание потенциальных противников — все это очевидно выходит за пределы «донаучного» подхода к войне на море. Именно определенный способ применения насилия (и сохранение монополии на возможность его реализации) лежит в основе афинского благополучия; интеллектуальные силы и энергия полиса направлены на то, чтобы эта ситуация сохранялась и дальше. Афиняне, в терминах Клаузевица, более «цивилизованный» народ, чем пираты предшествовавших времен, — не потому, что разум велит им искать ненасильственные способы утверждения собственного господства, а потому, что это насилие обрело наиболее действенную форму для достижения своих целей.

Морская сила в действии

Первое морское сражение в описании Фукидида парадоксальным образом вполне соответствует как раз шмиттовскому образу «сухопутного сражения на кораблях». Битва при Сиботских островах (1.48.3–1.52.1) в 433 году до н.э. между керкирянами и коринфянами описывается наполненной страстью и порывом — но не умением, *epistēmē* (1.49.3). Ни одна из сторон не пыталась осуществить основной маневр триер — прорыв сквозь вражескую линию с последующим ударом в борт или корму, так называемый диэклп, *diekplous* (1.49.3; Каган 2023, с. 570). Корабли противников сцепляются друг с другом, и их экипажи сходятся в абордажном бою; шум и крики делают невозможной какую бы то ни было координацию и управление боем. Ни коринфяне, ни керкиряне сразу не поняли, кто, собственно, победил; лишь афинская эскадра, посланная на поддержку Керкиры, не понесла потерь (1.52.1), а само присутствие 30 аттических кораблей заставило на следующий день отступить коринфян, чей флот после битвы состоял не менее чем из 120 судов (см. 1.46.1 и 1.54.2 о потерях). Сложно не согласиться с оценкой современных историков (Hanson 2006, p. 255; Wallinga 1993, p. 24): между строк фукидидовского рассказа недвусмысленно прочитывается мысль о том, насколько оба сражавшихся флота были хуже афинского.

В полной мере уровень афинского морского искусства проявляется в 429 году до н.э., когда пелопоннесский флот, запертый в Коринфском заливе, предпринял две попытки прорваться сквозь афинскую эскадру, стоящую возле Навпакта (2.83–2.92). На первый взгляд внимание Фукидида к этому эпизоду кажется непропорциональным масштабу событий: девять глав сопоставимы по объему с одиннадцатью главами седьмой книги, посвященных битве в Большой гавани Сиракуз, которая решила исход Сицилийской кампании. В обоих случаях приводятся речи командующих к своим эскадрам, что, по общему мнению исследователей, обозначает особую важность эпизода с точки зрения Фукидида. Между тем первый бой у Навпакта ведут 47 пелопоннесских кораблей против 20 аттических (2.83.3) — по сравнению со сражениями у Сибот и Сиракуз, где участвуют сотни кораблей, это выглядит локальной стычкой. В повторном бою у Навпакта той же эскадре афинского наварха Формиона противостоят уже 77 пелопоннесских (в массе своей, очевидно, коринфских) кораблей (2.86.4)¹, и такое соотношение сил, даже при все еще относительно небольшом общем масштабе, делает внима-

1 В переводе Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева (Фукидид 1999, с. 121) ошибочно указано меньшее число — 57.

ние Фукидида вполне объяснимым. Историки, комментируя этот эпизод (Hanson 2006, p. 255; Каган 2023, с. 131), задаются вопросом: почему Формион вообще принял бой при таком соотношении сил? Здесь, помимо общих мыслей о престиже афинской державы и тактической угрозы быть заблокированным в Навпакте, следует иметь в виду стратегическую значимость этого пункта: прорыв значительной пелопоннесской эскадры из Коринфского залива открыл бы ей возможность атаковать афинские коммуникации в любой точке (для понимания, насколько существенной воспринималась такая угроза, достаточно вспомнить описанную Фукидидом панику, «какой не бывало за все время войны», от атаки всего нескольких пелопоннесских кораблей на Саламин и Пирей, 2.93–2.94) или поддерживать восстания афинских союзников в Ионии (спартанские корабли своей поддержкой, пусть и преимущественно символической, восставшей Митилены «в весьма сильной степени вызвали возбуждение афинян», 3.36.2). Таким образом, у Формиона не осталось другого выбора, кроме как дать бой вчетверо превосходящей его силы эскадре в надежде задержать ее до подхода своих подкреплений или хотя бы нанести ей максимальный ущерб перед неизбежным поражением. Особое место занимает этот эпизод и в самом рассказе Фукидида: впервые в этой войне афинский флот должен на практике продемонстрировать качества, заложенные Фемистоклом и Периклом, в противостоянии с другими греками и без их поддержки.

Первый бой (2.83–2.84) фактически свелся к реализации афинянами преимущества в маневренности и инициативе. Коринфяне под руководством Махаона, Исократа и Агафархида (2.83.4), несмотря на более чем двукратное численное превосходство, выбрали пассивную оборону, выстроив корабли плотным кругом, чтобы не допустить прорыва своей линии диэкплом; эскадра Формиона, дождавшись попутного ветра, атаковала сгрудившиеся корабли противника. Несмотря на то что мачты с парусом в боевой обстановке убирались (Fields 2007, p. 17) и триеры двигались исключительно на веслах, попутный ветер, очевидно, должен был придать атакующим кораблям дополнительный импульс, а усилившиеся волны дезорганизовали непривычные к маневрам на открытой воде коринфские экипажи (2.84.3). Первой была затоплена триера одного из их командующих, после чего коринфяне потеряли еще 12 вместе с экипажами (2.84.4) и отступили. Афиняне, как следует из дальнейшего, потерь в кораблях не понесли.

По краткости описания видно, что эта часть сражения не вызвала у Фукидида особого интереса: произошло то, что и должно было произойти с неопытной эскадрой, которая к тому же полностью отдала инициативу противнику, не пыталась реализовать собственное численное превосходство и в целом, видимо, не имела определен-

ного плана боя. Совсем иначе выглядит повторное сражение, для которого пелопоннессцы собрали подкрепления, делегировали в эскадру опытных полководцев, в том числе Брасида (2.85.1), и постарались учесть опыт первой неудачи. Повествование Фукидида в этом месте обретает драматические черты: афинская эскадра, посланная на помощь Формиону, отвлекается на второстепенную задачу у берегов Крита (2.85.5–2.85.6) и не может успеть вовремя; понимая важность момента, командующие обеих сторон выступают перед своими экипажами с воодушевляющими речами (2.87 и 2.89); в отличие от первого боя, пелопоннесский флот начинает активный маневр (2.90.1), грозящий отрезать афинян от Навпакта. Все идет к тому, что афиняне столкнутся с последствиями своей самонадеянности и фатального рассредоточения сил по различным театрам войны.

Пелопоннессцы атаковали афинскую эскадру, которая отступала кильватерной колонной к Навпакту (2.90.4), смогли отрезать девять кораблей, прижать их к берегу и уничтожить (*diéphtheíran*, 2.90.5). Оставшаяся часть афинской эскадры добралась до Навпакта, когда отступавшая последней триера смогла неожиданным маневром вокруг стоящего у входа в бухту торгового судна развернуться, контратаковать и, протаранив, затопить (*embállei kaí katadúnei*) вырвавшийся вперед левкадийский корабль (2.91.3). Как впоследствии выяснилось, на нем находился один из командующих пелопоннесской эскадрой Тимократ (2.92.3). С этого момента ход сражения перевернулся: афиняне ободрились и перешли в общую контратаку; пелопоннессцы, не успев перестроиться и пребывая в смятении от неожиданного поворота событий, потеряли шесть своих кораблей и большинство захваченных ранее афинских и отступили сначала в Панорм, а затем в Коринф (2.92.2, 2.92.7).

Данный эпизод является не просто свидетельством афинской доблести, стойкости в тяжелых обстоятельствах и умения использовать удачный случай. Он содержит в себе два момента, характерных для стиля Фукидида, требовательного к читателю, многое сообщающего между строк и избегающего избыточной пропедевтики в области стратегии и политики.

Первый такой момент: несмотря на сопоставимые потери сторон и далекое от разгрома состояние пелопоннесского флота (потерявшего всего 6 кораблей из 77¹), в стратегическом отношении сражение явилось однозначной победой афинян: флот противника не смог

1 Стоит уточнить, что, вероятно, основные (если не все) потери понес авангард из 20 лучших кораблей, предназначенный отсечь Формиона от Навпакта, и в этом случае тяжесть материальных и моральных потерь для пелопоннесского флота оказывается существенно выше простого количества утраченных кораблей. См.: (Wallinga 1993, p. 25).

прорвать блокаду и остался заперт в Коринфском заливе (Каган, 2023, с. 132). Фукидид утверждает однозначно: пелопоннессцы отступили в Коринф из страха перед победоносной афинской эскадрой, получившей к тому же дополнительные подкрепления (2.92.7)¹. При этом важность этой детали (по сути, определяющей стратегическую обстановку всей войны) никоим образом не подчеркивается, бесстрастное повествование сообщает о рутинном событии, значение которого читатель должен оценить самостоятельно.

Второй момент — в этом сюжете мы наглядно видим трудности, с которыми сталкиваются переводы Фукидида, и важность технических деталей для реконструкции содержания сказанного. Принципиальный для понимания хода и результатов сражения вопрос: какой именно ущерб был нанесен участвовавшим в бою кораблям? Фукидид использует терминологию вполне последовательно. Один и тот же глагол *diaphtheirō* встречается в этих главах трижды: при описании судьбы отрезанных афинских кораблей (2.90.5); в характеристике промежуточных итогов сражения — пелопоннессцы громят афинскую эскадру (2.91.1) и в рассказе о гибели корабля Тимократа (2.92.3). Словарное его значение — «уничтожать, губить» (Liddell Scott 1940) — в глазах переводчиков явно расходится с тем обстоятельством, что побежденные афинские корабли спартанцы пытаются отбуксировать, а афиняне в итоге отбивают обратно. Поэтому в переводе Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева в первом случае: «сделали их [корабли] негодными к плаванию» (Фукидид 1999, с. 123), во втором — «вывели из строя» (Там же, с. 124), в третьем — «корабль [Тимократа] был поврежден» (Там же). Однако такой перевод расходится с прямым указанием на то, что корабль спартанского командующего затонул, причем сам Тимократ успел убить себя, его тело оказалось в воде и впоследствии было выброшено на берег волнами (то есть речь явно не просто о нежелании попасть в плен вместе с обездвиженным судном). В альтернативном варианте перевода Г. А. Стратановский, сохраняя перевод в первых двух случаях, о смерти Тимократа использует более сильную формулировку: «после гибели корабля» (Фукидид 1981, с. 106). В классическом английском переводе Ричарда Кроули в первом случае также говорится о повреждении, «the rest [of the vessels] were... disabled» (Thucydides 1950, p. 165); во втором — об уничтожении, «the Athenian fleet destroyed» (Ibid., p. 166), в третьем — о затоплении, «the ship was

1 Последующее нападение Кнема и Брасида на Пирей (2.93–2.94), ради которого спартанские экипажи посуху добрались от Коринфа до мегарской гавани в Нисее, где сели на подготовленные корабли, выглядит разовой диверсией, а не попыткой всерьез изменить стратегическую ситуацию.

sunk» (Ibid.). Современный историк Дональд Каган, пересказывая ход боя (Каган 2023, с. 132), вообще игнорирует характер полученных кораблями повреждений и упоминает только о затонувшем корабле Тимократа.

Очевидные расхождения в переводах сглаживаются обращением к деталям античного кораблестроения. Из-за небольшого веса и высокой плавучести триеры, получив пробоину, редко тонули полностью (Hanson 2006, p. 264) — что не избавляло экипаж от утопления, если своевременной помощи не было оказано (Fields 2007, p. 14). Можно резюмировать, что Фукидид использует *diaphtheirō*, когда говорит о невозвратной или долгосрочной потере корабля, но никак не о мелком повреждении, устранимом силами экипажа. То, что протараненный корабль после боя может быть отбуксирован победителями, не отменяет его потерю. Произведенный здесь анализ будет важен для понимания последнего эпизода, которым завершится борьба за выход из Коринфского залива.

Сражение при Навпакте, помимо тактического мастерства и мужества афинской эскадры, демонстрирует еще одну важную черту афинского полиса: целеустремленность и последовательность в завоевании господства на море. Несмотря на усталость от войны и стремление части граждан к миру, которые проявлялись еще при жизни Перикла (2.59.1–2.59.2), даже после его смерти (2.65.6) важность позиции в Навпакте не вызывает каких-либо споров, при первой же угрозе Формиону направляются подкрепления, равные изначальной численности его сил, и сам его флот самоотверженно сражается против многократно превосходящих сил противника. Благодаря географии, внешней политике и накопленным ресурсам уже на момент начала войны Афины находятся в положении, которого в обычных условиях могли бы добиться, лишь победив в генеральном сражении. Однако сохранится ли это положение, будет зависеть исключительно от дальновидности и энергичности афинского полиса и его навархов. Меньше всего это соответствует известной характеристике Ганса Дельбрюка о том, что афиняне со стратегией Перикла выбрали не ведение, а «неведение» войны (Дельбрюк 1999, с. 110). На самом деле на море они активно ищут столкновения с противником, патрулируют возможные районы накопления его сил, навязывают сражения с решительными целями — в общем, делают все, чтобы не дать пелопоннесскому флоту накопить силы и даже попробовать выйти на оперативный простор открытого моря. Такой образ действий максимально далек от метафоры разобщенных и развращенных матросов из платоновского «Государства» (Платон 1994, с. 267), с которым соблазнительно сравнивать постперикловские Афины, и приближается к его же описанию благородного кормчего, способного прокладывать курс по звездам с учетом времени

года, неба и ветров (Там же, с. 268) — то есть умеющего созерцать целое для принятия частных решений.

Афинский полис может терпеть поражения на суше, поддаваться на речи демагогов, роптать под весом увеличивающихся тягот войны; но когда дело доходит до прямого столкновения эскадр, до определенного момента их действия выглядят безукоризненными. Владение искусством, дерзость в его реализации и пренебрежение к опасности — черты афинского характера, которые могут вызывать неодобрение Сократа и Платона, но делают афинян непревзойденными противниками на море.

Извращение искусства как путь к победе

Коринфяне же оказываются в положении, которое кажется безвыходным. Их флот по-прежнему заперт в заливе; предыдущие попытки прорыва закончились деморализующим поражением, которое однозначно продемонстрировало невозможность бороться с афинянами в конвенциональном морском сражении. Спарта еще в рамках предварительных переговоров на пути к Никиеву миру пошла на унижительные условия — получить доступ к морю ценой полного отказа от военных кораблей (4.118.5; Wallinga 1993, p. 25). Отказ от противодействия, вероятно, приведет к падению осажденных афинской армией Сиракуз, без существенной помощи с Пелопоннеса постепенно теряющих волю к сопротивлению (6.103.3). За этим последует перенаправление необъятных ресурсов Сицилии на окончательный разгром Спарты и ее союзников.

Коринфянам остается небольшой выбор — или покориться судьбе, или попробовать в тех же условиях, что и раньше, усугубленных опытом прошлых поражений, сделать что-то по-новому. Отдельные корабли время от времени в летнюю-зимнюю кампании 414–413 годов до н.э. прорывают афинскую блокаду: спартанец Гилипп крейсирует на юге Италии с четырьмя кораблями, собирая союзников (6.104.1, 7.42.3) и в конечном итоге не дает замкнуть кольцо афинской осады вокруг города; Гонгил приводит в Сиракузы корабль с помощью и обещанием более значительных подкреплений (7.2.1); наконец, коринфянин Эрасинид, обойдя афинские дозоры, приводит в сиракузскую гавань 12 кораблей (7.7.1; Каган 2023, с. 370). Однако неспособность этих сил переломить ситуацию очевидна для всех: афинский командующий под Сиракузами Никий игнорирует угрозу от Гилиппа, считая, что его силы годятся только для «пиратских набегов» (6.104.3). Для сравнения, корпус Демосфена, собранный на помощь Никию, идет на 30 кораблях (7.26.1), а исходный флот, отправленный в экспедицию, состоит из 134 триер и неизвестного числа транспортов (Каган 2023, с. 339). Без прорыва афинской блока-

ды у Навпакта и выхода коринфского флота на оперативный простор борьба за Сицилию так и будет носить односторонний характер. Афинский наварх Конон понимает это и, узнав о приготовлении коринфянами 25 триер для прорыва его эскадры, просит подкрепления, опасаясь не удержать их со своими 18 (7.31.4), — яркий контраст с тем, в каких условиях принимал бой Формион, и свидетельство того, что афинский флот к этому моменту не может быть сильным на всех театрах, а главным направлением остается Сицилия (Каган 2023, с. 381). Но то, что подкрепление он незамедлительно получает, столь же явно свидетельствует, что Демосфен и Евримедонт понимают важность этого направления (7.31.5) и делают все, чтобы новая попытка коринфян закончилась тем же, чем и предыдущие.

Фукидид не приводит имен авторов новой коринфской инициативы. В качестве наварха указан коринфянин Полианф (7.34.2), однако никаких дополнительных сведений о нем и указаний, что именно он был автором нового плана действий, нет. Сам план не изложен в виде речи, Фукидид не сообщает, сразу ли его приняли, какими могли быть возражения и ответы на них. Более того, технические детали, объясняющие суть предпринятых коринфянами новаций, излагаются позже собственно описанного события, когда «точно таким же образом, как коринфяне у Навпакта» (7.36.2) переделают свои корабли сиракузяне, готовясь к сражению в Большой гавани. И тем не менее именно этот план обращает морское искусство афинян против них самих и переворачивает ход всей войны.

169

Само описание последнего боя у Навпакта в 413 году до н.э. занимает у Фукидида меньше одной главы (7.36.3–7.36.8). 33 афинских и «немного меньше» коринфских триер сошлись в лобовом столкновении; в итоге три коринфских корабля были потеряны, а около семи афинских — повреждены. Решительной победы не одержал никто, пленных не было, обе стороны установили трофеи, считая себя победителями. В чем же значимость столь небольшого по масштабу, малосодержательного тактически и по результатам боя? Или, говоря конкретнее, на что рассчитывали коринфяне, отказавшиеся как от правильного маневрирования, так и от попыток устроить абордажное сражение, подобного тому, которое произошло у Сиботских островов в начале конфликта?

Ключевые ответы содержатся во фрагменте 7.36.5 (перевод Г. А. Стратановского)¹:

1 καὶ τῶν μὲν Κορινθίων τρεῖς νῆες διαφθείρονται, τῶν δ' Ἀθηναίων κατέδω μὲν οὐδεμία ἀπλῶς, ἐπὶ δέ τινες ἄπλοι ἐγένοντο ἀντίπρῳροι ἐμβαλλόμεναι καὶ ἀναρραγεῖσαι τὰς παρεξίρεσις ὑπὸ τῶν Κορινθίων νεῶν ἐπ' αὐτὸ τοῦτο παχυτέρας τὰς ἐπιωτίδας ἔχουσῶν. Автор выражает признательность А. В. Михайловскому за помощь в переводе и обсуждение данного фрагмента.

Три коринфских корабля было уничтожено; у афинян, хотя ни один корабль не был совершенно затоплен, однако семь кораблей вышли из строя, получив в носовой части пробоины от ударов коринфских кораблей (именно для этой цели якорные брусья-тараны коринфских кораблей были сделаны более массивными).

Повреждения коринфских кораблей Фукидид характеризует все тем же словом *diaphtheirō*, которое обсуждалось выше; в отношении афинских используется более конкретное обозначение — они утратили мореходность (*áplōi egénonto*) вследствие лобового столкновения (*antiprōroi embállōmenai*), а также получили повреждения парексейресии — аутригера, то есть вынесенной за пределы борта опоры, увеличивающей эффективность гребли верхнего ряда весел без расширения корпуса судна (Fields 2007, p. 13; Wallinga 1993, p. 14; Каган 2023, с. 383). Отсутствие аналогичного урона у коринфских кораблей Фукидид объясняет изменением их конструкции: они имели специально утолщенные эпотиды — деталь корпуса, о которой следует сказать подробнее.

В обоих упомянутых переводах на русский этот кораблестроительный термин, не имеющий прямых аналогов на судах позднейших эпох, удовлетворительно не переведен: говорится о «толстых брусьях» (Мищенко, Жебелев) или о «якорных брусьях-таранах» (Стратановский) без какого бы то ни было объяснения их расположения или основной функции. Виктор Хансон упрощает картину, говоря, что противники афинян укрепили «тараны» (*ram*) своих судов (Hanson 2006, p. 218). Это принципиально неверно: для бронзового тарана у греков использовался совершенно иной термин — *embolos* (Fields 2007, p. 17), с которым связан и глагол *embállō* — «бросаться, таранить». Эпотиды отсутствуют на древних изображениях пентеконтер (Tzahos 2002, p. 776) и их появление связывается с развитием специализированной таранной тактики и диэкпла (Wallinga 1993, p. 59). Они представляют собой поперечные брусья в носовой части корабля, защищающие парексейресию от повреждений при столкновении с судном противника на встречных курсах (Tzahos 2002, p. 785; Fields, 2007, p. 38); к ним же, как свидетельствует Еврипид, в качестве дополнительной функции действительно прикреплялся якорный канат (Ibid., p. 776). Кроме того, на реплике «Олимпии», как и, например, на этрусской вазе из Британского музея, выполненной в форме носа триеры (Fields 2007, p. 22), хорошо видно, что эпотиды служат основанием продольных ребер жесткости, придающих корпусу в носовой части большую прочность при нагрузке от таранного удара. Коринфяне, согласно упомянутому выше указанию из рассказа о битве в Большой гавани (7.36.2), дополнительно укрепляют эпотиды подпорками изнутри корпуса, а также укорачивают

и утолщают сами носы своих триер, делая их более массивными, чем полые и слабые носы афинских судов (7.36.3).

Все эти изменения, разумеется, далеко не являются однозначным улучшением конструкции, как их оценивают некоторые авторы (Hanson 2006, p. 255), склонные видеть причину успеха коринфян против более искусных афинских экипажей в техническом превосходстве их судов. Неравномерное увеличение веса и смещение баланса судна к носу, равно как и придание корпусу менее обтекаемой формы за счет укорачивания носовой части неизбежно должны были радикально снизить скорость и маневренность — ключевые параметры для успешного тарана, — а также мореходность в открытом море. Большой вопрос, смогли бы такие корабли в нормальных условиях бороться даже с пиратскими пятидесятивесельниками, не говоря уже о «правильном» сражении с триерами другого полиса. Характерно, что в описании последующего этапа войны, когда боевые действия перенесли в открытые пространства Ионии, Фукидид ни разу не упоминает о том, чтобы какая-либо из сторон продолжала использовать подобные «улучшения».

Но в конкретной ситуации боя в узком проливе эти меры оказались оружием, которому Афины не смогли найти противодействия. От коринфских кормчих теперь не требовалось совершать сложных маневров или пытаться взять более быстрого и умелого противника на абордаж, как, например, римлянам в сражении при Мелах (Полибий 2005, с. 161–162). Действия коринфского флота здесь — отнюдь не недостаток *epistēmē*, как в сражении при Сиботах, а выполнение продуманного плана. Стремление к лобовому столкновению, которое раньше считалось недостатком искусства, «невежеством» (*amāthiā*, 7.36.5) кормчего, позволило коринфянам действовать напористо и целеустремленно, не опасаясь разницы в опыте и навыках экипажей, и вывести из строя существенную часть судов противника, нанеся им не критичные, но требующие ремонта повреждения. Эпотиды — защитные по функции приспособления — стали средством прорыва блокады, так как в результате столкновения афинская эскадра потеряла, пусть и временно, более 20% своего состава, отказалась от продолжения боя и не препятствовала дальнейшим действиям коринфян. Их же задача в этом бою, как Фукидид несколько раз подчеркнул до этого (7.17, 7.19), заключалась вовсе не в уничтожении противника, а в обеспечении прорыва для транспортных судов, чтобы переправить на Сицилию подкрепления. Удалось ли коринфянам в итоге выполнить эту миссию, мнения расходятся (Штенцель 1916, с. 304; Каган 2023, с. 383), однако есть по крайней мере два основания считать общую операцию коринфского флота успешной. Во-первых, Фукидид совершенно определенно привязывает последующие переделки

сиракузских кораблей к положительному опыту боя при Навпакте (7.36.2), соответственно, хотя бы некоторые из его участников смогли в короткое время добраться до Сицилии и передать союзникам рецепт своего успеха (что и привело в итоге к гибели афинского флота). Во-вторых, следует обратить внимание не только на то, о чем *говорится* в дальнейшем тексте «Истории», но и о чем *перестает упоминаться*.

Фукидид, который, по выражению Лео Штрауса, пишет для «Никиев будущих поколений» (Strauss 1964, p. 202), то есть учит будущих военных и политических деятелей опираться на собственное суждение при понимании причин и следствий описываемых событий, не сопровождает такие фигуры умолчания проясняющим комментарием. Так что читателю остается самому делать выводы из того обстоятельства, что Навпакт, ключевой пункт афинского господства над Коринфским заливом (и, соответственно, над наиболее существенной частью морских сил Пелопоннесского союза), за который шла борьба с первых лет войны, начисто пропадает из дальнейшего повествования — за исключением единственного упоминания в контексте прошлого (7.57.8). Говорить это может только о том, что афинский флот оставил столь важную базу, а коринфяне получили свободу операций в открытом море — не отдельными кораблями, как раньше действовал Гилипп, но целыми эскадрами. Так «неведение» (если вспомнить характеристику Дельбрюком стратегии Перикла) коринфянами правильного маневренного боя на тактическом уровне открыло им новые стратегические возможности и позволило повернуть в свою пользу, казалось бы, безвыходную ситуацию.

Неограниченная морская война, в которой любой транспортный корабль и любая точка побережья могут быть неожиданно атакованы — то, чего так стремился избежать Перикл, — становится реальностью для обеих сторон. Афиняне входят в эту новую стадию противостояния без своих лучших кораблей и экипажей, погибших в катастрофическом поражении на Сицилии, пелопоннессцы — с новой уверенностью в своих силах, возможностью сообщаться по морю, поддерживать и получать ресурсы от всех недовольных афинским могуществом, будь то полисы Ионии или персидские сатрапы. Благодаря эпотидам коринфских кораблей, сделавшим их неуклюжими и неповоротливыми, пелопоннессцы пробивают себе выход в море, не потопив ни одной афинской триеры. То, что поначалу кажется извращением искусства кормчего и самого предназначения триеры, оказывается более высокой его формой, сочетанием дерзости и духа новации: ведь задача любой стратегии и тактики не в том, чтобы нанести таран или совершить определенный маневр, а в том, чтобы добиться победы.

Заключение

Что же эта история позволяет нам понять о роли насилия в повествовании Фукидида и о насилии как таковом? Во-первых, именно изображение конкретных эпизодов вооруженного противостояния проявляет особенность фукидидовского стиля, в некоторых случаях избыливающего техническими подробностями, в некоторых — активно использующего фигуры умолчания. Какие именно повреждения получили корабли, в каком направлении отступила побежденная эскадра, каковы были стратегические последствия того или иного локального столкновения, имеет для понимания логики сюжета не меньшее значение, чем эксплицитные разъяснения хода событий в речах полководцев и политиков (анализ которых давно стал классическим сюжетом для политической философии — возможно, в ущерб вниманию к более приземленным деталям). На самом же деле насилие играет в «Истории Пелопоннесской войны» не менее важную роль, чем публичная речь или перипетии судьбы, — оно обладает собственным языком и логикой; при его описании Фукидид придерживается строгой последовательности, через добавление ключевых деталей или, наоборот, редуцирование ненужных подробностей расставляет смысловые акценты, при этом оставляя читателю задачу по их интерпретации.

173

Во-вторых, именно возможности общества по осуществлению насилия оказываются для Фукидида главным критерием при оценке значительности той или иной эпохи. Столкновение двух эскадр у Навпакта не поражает воображение масштабом гомеровского «списка кораблей», но уровень организации, тактической и технической изощренности, горизонт планирования, сделавшие возможным это событие, и его далеко идущие последствия не имеют аналогов в древности или у варварских народов. *Так* воевать умеют только греки, и греки — это те, кто умеют так воевать.

Наконец, в этих нескольких на первый взгляд разрозненных эпизодах классической истории впервые настолько отчетливо проявляются черты «злого, т.е. опасного и динамического существа» (Шмитт 2016, с. 338), каковым человека видела обширная политико-философская традиция, от Макиавелли и Гоббса до самого Шмитта. Потерпевшие унижающее поражение, запертые географией и афинским флотом в ловушке залива, коринфяне не перестают быть «злыми и опасными»; они упорно продолжают искать возможности помешать врагу реализовать его преимущества и ударить туда, где будет больше всего. На страницах Фукидида — беспристрастно описывающего решения и действия как своих сограждан, так и их врагов, старательно избегающего любых творческих преувеличений и приукрашиваний, — создается портрет человека как существа, выражаю-

щего собственную человечность именно через насилие. Это описание не просто наделяет насилие разумным характером, но впервые сообщает ему поистине творческую мощь — которая отнюдь не снижается и в тех случаях, когда направлена чисто на разрушение творчества противника. Такое отношение к насилию не может не внушать тревогу: на второй план уходят как человеческие страдания и смерть, так и любые ненасильственные формы деятельности. И тем не менее, как кажется, именно такой взгляд на связь насилия и политической жизни высвечивает определенные черты человеческого существа, остающиеся в тени при любом другом подходе. «В беде и опасности, когда животное и растение беспомощно гибнут, он [человек] способен возродиться к новой жизни путем интеллектуального усилия, волевого решения, уверенного анализа ситуации и умозаключения. Он располагает свободным пространством для своей власти и своего исторического могущества» (Шмитт 2016, с. 338).

Список источников / References

174

- Гегель Г. В. Ф. (1993) *Лекции по философии истории*. СПб.: Наука.
- Hegel G. W. F. (1993) *Lectures on the Philosophy of History*. St. Petersburg: Nauka. (in Russ.)
- Гэддис Д. Л. (2021) *О большой стратегии*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Gaddis J. L. (2021) *On Grand Strategy*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (in Russ.)
- Дельбрюк Г. (1999) *История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1: Античный мир*. СПб.: Наука, Ювента.
- Delbruck H. (1999) *History of the Art of War. Vol. 1: Ancient World*. St. Petersburg: Nauka, Juventa. (in Russ.)
- Каган Д. (2023) *Пелопоннесская война*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Kagan D. (2023) *The Peloponnesian War*. Moscow: Alpina Non-Fiction. (in Russ.)
- Клаузевиц К. (1998) *О войне*. М.: Логос, Наука.
- Clausewitz C. (1998) *On War*. Moscow: Logos, Nauka. (in Russ.)
- Мэхэн А. Т. (2002) *Влияние морской силы на историю, 1660–1783*. СПб.: Terra Fantastica.
- Mahan A. T. (2002) *The Influence of Sea Power upon History: 1660–1783*. St. Petersburg: Terra Fantastica. (in Russ.)
- Платон (1994) *Государство. Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3*. М.: Мысль, с. 79–420.
- Plato (1994) *The Republic*. Plato, Collected Works. Vol. 3. Moscow: Mysl, pp. 79–420. — in Russ
- Полибий (2005) *Всеобщая история. Т. 1. Кн. I–V*. СПб.: Наука.
- Polybius (2005) *The Histories*. Vol. 1. Book I–V. St. Petersburg: Nauka. (in Russ.)

Псевдо-Ксенофонт (2020) *Афинская полития. Аристотель. Афинская полития*. М.: Академический проект, с. 142–151.

— Pseudo-Xenophon (2020) *Constitution of the Athenians. Aristotle. The Athenian Constitution*. Moscow: Academical Project, pp. 142–151. (in Russ.)

Фукидид (1981) *История* / Под ред. Г. А. Стратановского, А. А. Нейхардт, Я. М. Боровского. Л.: Наука.

— Thucydides (1981) *History*. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

Фукидид (1999) *История* / Пер. Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева; под ред. Э. Д. Фролова. СПб.: Наука, Ювента.

— Thucydides (1999) *History*. St. Petersburg: Nauka. Juventa. (in Russ.)

Шмитт К. (2008) *Номос земли*. СПб.: Владимир Даль.

— Schmitt C. (2008) *The Nomos of the Earth*. St. Petersburg: Vladimir Dal. (in Russ.)

Шмитт К. (2016) *Понятие политического*. СПб.: Наука.

— Schmitt C. (2016) *The Concept of the Political*. St. Petersburg: Nauka. (in Russ.)

Штенцель А. (1916) *История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения тактики: в 5 т. Т. 2*. СПб.: Типография Морского адмиралтейства.

— Stenzel A. (1916) *The History of War at Sea in Its Most Important Manifestations in Terms of Naval Tactics*. Vol. 2, St. Petersburg: Naval Admiralty Publ. (in Russ.)

Fields N. (2007) *Ancient Greek Warship: 500–322 BC (New Vanguard 132)*, Oxford: Osprey Publishing.

Forde S. (1986) Thucydides on the Causes of Athenian Imperialism. *The American Political Science Review*. Vol. 80. No. 2, pp. 433–448.

Gabrielsen V. (2010) *Financing the Athenian Fleet: Public Taxation and Social Relations*. Baltimore: The John Hopkins University Press.

Hanson V. D. (2006) *A War Like No Other: How the Athenians and Spartans Fought the Peloponnesian War*. New York: Random House.

Jaffe S. N. (2017) *Thucydides On the Outbreak of the War: Character and Context*. Oxford: Oxford University Press.

Liddell H. G., Scott R. (1940) *A Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press.

Morrison J. S., Coates, J. F. (1986) *The Athenian Trireme: The History and Reconstruction of an Ancient Greek Warship*. Cambridge: Cambridge University Press.

Schmitt C. (2015) *Land and Sea: A World-Historical Meditation*. Candor, NY: Telos Press Publishing.

Strauss L. (1964) *The City and Man*. Chicago, London: The University of Chicago Press.

Thucydides (1950) *The History of the Peloponnesian War*. NY.: E. P. Dunton & Co.

Tilley A. (2004) *Seafaring on the Ancient Mediterranean*. Oxford: BAR Publishing.

Tzahos E. (2002) The Athenian Trireme: Form and Function of the “Epotides”. *Tropis VII: 7th International Symposium on Ship Construction in Antiquity* 2, pp. 775–790.

Wallinga H. T. (1993) *Ships and Sea-Power Before the Great Persian War: the Ancestry of the Ancient Trireme*. Leiden: E. J. Brill.

Об авторе / About the author

Гуляев Роман Владимирович — кандидат философских наук, старший преподаватель Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Научные интересы: история философии, политическая философия, философия войны.

<https://orcid.org/0000-0002-2558-1847>. E-mail: rgulyaev@hse.ru

Roman V. Gulyaev — CSc in Philosophy, senior lecturer in School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, Higher School of Economics University. Research interests: history of philosophy, political philosophy, philosophy of war.

<https://orcid.org/0000-0002-2558-1847>. E-mail: rgulyaev@hse.ru